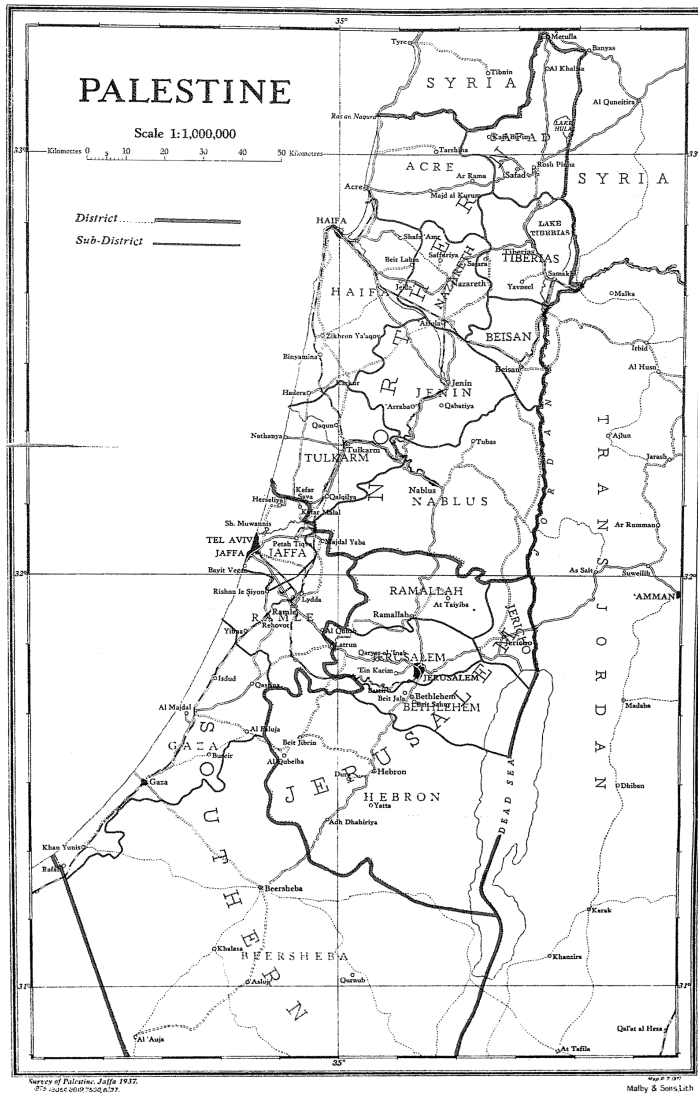

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	<i>Забывтое восстание</i>	9
ГЛАВА 1	Паводки в пустыне	17
ГЛАВА 2	Кровавый день в Яффе	65
ГЛАВА 3	Два государства для двух народов	108
ГЛАВА 4	Черное воскресенье	149
ГЛАВА 5	Просите мира Иерусалиму	179
ГЛАВА 6	Лоуренс Иудейский	219
ГЛАВА 7	Пылающая земля	263
Эпилог	<i>Восстание продолжается</i>	305
Благодарности		333
Глоссарий имен		335
Примечания		339
Избранная библиография		409
Список иллюстраций		421
Предметно-именной указатель		423
Об авторе		431

Administrative Boundaries

Районы подмандатной Палестины, из доклада комиссии Пиля 1937 г.
(Cmd. 5479)

ВВЕДЕНИЕ

Забывтое восстание

Сообщения со Святой земли рисуют мрачную, но знакомую картину.

Палестинцы, отчаявшись из-за несбывшихся национальных надежд, устраивают акции протеста, прибегают к бойкоту, саботажу и насилию. Вокруг них неумолимо растут еврейские поселения. Исламские радикалы срывают мирные переговоры, убивают сторонников умеренного курса и тех, кого подозревают в коллаборационизме. Оккупационные войска применяют карательные меры, сносят дома, возводят разделительную стену, что вызывает осуждение за нарушение прав человека. Миротворческая держава, обладающая максимальным влиянием на обе враждующие стороны, настаивает на плане раздела, хотя, по-видимому, сомневается в его жизнеспособности. Среди евреев раскол: одни готовы поступиться частью Земли Израильской во имя мира, другие требуют все древние территории, пусть даже силой оружия. Кровавопролитие кажется неизбежным¹.

Так могли бы выглядеть сегодняшние новости. Или заголовки времен второй интифады начала 2000-х гг., а также первой интифады или любых других столкновений, произошедших за три четверти века после создания еврейского государства в 1948 г.

Однако речь идет о более ранних событиях, о первом арабском восстании в Палестине — эпохальном трехлетнем бунте,

случившемся за десять лет до рождения Израиля, во многом предопределившем взаимоотношения евреев и арабов*.

В ходе тех событий погибло 500 евреев (невиданное до XXI в. число жертв среди гражданского населения), а также сотни британских военнослужащих. Однако арабы понесли куда большие потери, и не только человеческие.

Великое восстание 1936–1939 гг. стало горнилом, в котором сформировалась палестинская идентичность. Оно объединило враждующие семейства, горожан и жителей сел, богатых и бедных против общего врага — еврейской национальной идеи (сионизма) и ее повивальной бабки, Британской империи. Шестимесячная всеобщая забастовка, одна из самых продолжительных в современной истории, привлекла к Палестине внимание арабов и мусульман всего мира².

Однако в итоге восстание обернулось против самих арабов. Междоусобицы и сведения счетов разорвали ткань арабского общества, прагматиков сменили радикалы, начался исход первых беженцев. Остальное довершили британские войска, изымая оружие, оккупируя города, устраивая репрессии, в результате которых тысячи людей погибли, а десятки тысяч были ранены. Боеспособность арабской Палестины оказалась подорвана, экономика — разрушена, политические лидеры отправились в изгнание.

Восстание, призванное покончить с сионизмом, вместо этого сокрушило и покалечило самих арабов, в то время как евреи спустя десять лет устремились к собственной государственности. Именно тогда палестинцы оказались ближе всего к победе, но с тех пор так и не оправились от поражения³.

Евреям это восстание оставило совсем иное наследство. Именно тогда сионистские лидеры начали расставаться

* В англоязычной литературе его обычно называют Великим восстанием, в отечественной чаще Арабским восстанием. В переводе используются оба наименования. — *Прим. пер.*

с иллюзиями относительно уступчивости арабов и столкнулись с тревожными перспективами: осуществление их мечты о суверенитете, возможно, означало вечную опору на силу оружия⁴. В ходе восстания Великобритания, самая мощная на тот момент военная держава мира, обучив и вооружив тысячи евреев, превратила самоорганизованные охранные отряды в зачатки грозной армии, располагающей войсками специального назначения и офицерским корпусом.

Именно в то время некоторые евреи, столкнувшись с фашизмом в Европе и резней в Палестине, решили, что простая пассивная оборона равносильна самоубийству нации, и именно тогда на горизонте впервые замаячил еврейский терроризм.

Таким образом, это история двух национализмов и их первого крупного столкновения. Восстали арабы, однако сионистское контрвосстание — военная, экономическая и психологическая трансформация евреев — как раз тот ключевой элемент в хронике превращения Палестины в Израиль, который упускают из виду.

Ведь именно тогда, а не в 1948 г., евреи Палестины заложили демографическую, географическую и политическую основу своего будущего государства. Именно тогда в международной дипломатической повестке впервые прозвучали такие знаменательные слова, как «раздел» и «еврейское государство».

Однако в итоге это восстание убедило Британию, что ее сионистский эксперимент, длившийся два десятка лет, слишком дорого обошелся: он повлек как человеческие, так и финансовые потери и привел к утрате доверия значительной части населения империи. В условиях надвигающейся войны с Гитлером правительство Чемберлена заключило, что пришло время захлопнуть двери Палестины — практически единственные, которые все еще были открыты для евреев. Мало

какие решения XX в. имели столь значительные и долговременные последствия.

Читатель может предположить, что события такого масштаба уже весьма хорошо изучены. В конце концов, речь идет о самом обсуждаемом из текущих мировых противостояний, всеобъемлюще определяемом как «Ближневосточный конфликт». И тем не менее желающие углубиться в тему сталкиваются с нехваткой информации: в общих трудах по истории региона восстанию посвящают несколько страниц (или максимум главу)⁵. Примечательно, что об этом важном, но подзабытом восстании не вышло ни одной публикации, рассчитанной на широкую аудиторию.

Немногочисленные работы, посвященные этой теме, ограничиваются академической средой, первая книга на английском языке вышла только в середине 1990-х гг. Ее автор Тед Сведенберг отметил, что его ошеломила «скудость информации об этом важнейшем восстании», которое, как он осознал, «либо замалчивалось, либо принижалось в господствующей израильской и западной историографиях»⁶.

Похожая ситуация и с работами на иврите — до сих пор опубликовано лишь одно полноценное научное исследование⁷. Этот пробел вполне объясним: сторонники сионизма всегда рассматривали восстание как борьбу за самоопределение, а не как отказ в этом праве другим. Традиционная израильская национальная история последовательно движется от первых волн иммиграции и декларации Бальфура через государственное строительство 1920-х и 1930-х гг. и трагедию холокоста к обретению государственности. Масштабное скоординированное восстание нарушает цельность повествования.

Объяснимо и почти полное отсутствие арабских работ. Мустафа Кабха, историк из Открытого университета Израиля, сетует, что в палестинской коллективной памяти это

восстание отодвинуто на второй план и даже замалчивается, «полностью вытесненное памятью о Накбе 1947–48 гг.»*. Он замечает, что кажется вполне естественным «сосредоточиться на Накбе из-за масштабов катастрофы и того, что большую часть вины можно возложить на внешние факторы: сионистов, арабские государства, британцев и так далее. Разбор событий 1936–39 гг. требует гораздо большей самокритики»⁸.

Этот очевидный пробел и подтолкнул меня к написанию книги: я осознал, что обнаружил пустующее место на скрипящей книжной полке с литературой по арабо-израильским отношениям. Так начался пятилетний проект, включивший исследования на трех континентах и на трех языках.

И все же существует надежное правило: писатель редко идет один. После того как я приступил к работе, появились две новые книги об этом восстании: «Усмирение Палестины Британией» (*Britain's Pacification of Palestine*) Мэттью Хьюза и «Преступление национализма» (*The Crime of Nationalism*) Мэттью Крэйга Келли. Обе книги представляют собой ценные строгие научные труды; в работе Хьюза скрупулезно анализируются военные и правовые средства, к которым прибегла Британия для подавления восстания, Келли сосредоточился на имперском восприятии криминала и национализма⁹.

Настоящая книга иного рода. Я не ученый, а журналист, аналитик и писатель, специализирующийся в основном на Ближнем Востоке. Моя цель — создать первую полномасштабную, глубокую, но интересную для широкого круга читателей историю событий: самого восстания, его влияния на еврейский и арабский национализм в Палестине, геополитических движений, которые оно породило, и наследия, дожившего до наших дней.

* Накба (ар. «катастрофа, потрясение») — исход палестинцев со своих территорий после поражения в арабо-израильской войне. Термин используется в арабской литературе. — *Прим. пер.*

Свое повествование я решил строить вокруг нескольких героев — арабов, евреев и британцев. Большинство из них перечислены в глоссарии имен, но для некоторых менее очевидных фигур приведу краткие пояснения.

Главные еврейские деятели известны читателям, хоть немного знакомым с канвой событий: Хаим Вейцман (лицо и мускулы сионизма за рубежом в годы между мировыми войнами), Давид Бен-Гурион (безусловный лидер евреев Палестины с середины 1930-х гг.) и Моше Черток (позже Моше Шарет, фактический «министр иностранных дел» евреев). Через десяток лет они станут, соответственно, первыми президентом, премьер-министром и министром иностранных дел Израиля. Владимир Жаботинский — основатель ревизионистского движения, предшественника партии «Ликуд» Биньямина Нетаньяху и других направлений правого сионизма.

Ключевые британские роли в этой драме принадлежат двум верховным комиссарам Палестины (Артуру Уокеру, затем Гарольду Макмайклу) и двум министрам колоний (Уильяму Ормсби-Гору, затем Малкольму Макдональду). Особое место занимает Бланш Дагдейл (Баффи), писательница и племянница Артура Бальфура — и как женщина на преимущественно мужской арене, и как влиятельная посредница, имевшая хорошие связи в британской и сионистской элите.

Важный деятель этого периода с арабской стороны — верховный муфтий Мухаммад Амин аль-Хусейни, политический лидер арабов Палестины и духовный глава мусульман. Наряду с ним я выбрал Мусу Алами и Джорджа Антониуса, двух выдающихся арабов, которых счел интересными, сложными и в то же время понятными англоязычному читателю.

Мне показалось особенно уместным вернуть из полужабвения имя Алами. Выпускник Кембриджа, он, что редкость, пользовался почти всеобщей симпатией и уважением у арабов, британцев и евреев. Он отличался необычной способностью

сходиться с центрами власти и влияния, сохраняя при этом независимость мышления. Хотя многие относили его к умеренным, Алами поддерживал связи со сторонниками жесткой линии — не в последнюю очередь с муфтием — и участвовал в тайных операциях, которые ошеломили бы его западных поклонников, если бы о них стало известно.

Антониус тоже окончил Кембридж, но раньше. Непокойная жизнь этого писателя и интеллектуала — пример тяжелой судьбы человека, разрывающегося между двумя культурами, родной арабской и усвоенной западной. Однако подобная двойная идентичность имела свои преимущества: его книга «Арабское пробуждение» (*The Arab Awakening*, 1938) познакомила Запад с арабским национальным движением и оказала огромное влияние на попытки Британии и других стран разорвать палестинский узел.

Как и остальные аспекты этого конфликта, его терминология тоже остается предметом споров, однако я старался по возможности избегать анахроничных формулировок и выражений. Слово «Палестина» используется здесь в тогдашнем значении как официальное общепринятое английское наименование Святой земли. Те, кого мы сегодня называем палестинцами, несколько тяжеловесно и громоздко обозначаются как «палестинские арабы» (или вариациями этого выражения), поскольку в те времена их почти всегда называли именно так, в том числе и их представители. Вероятно, очевидно, почему члены *ишува* — сообщества палестинских евреев, еще не имевшего собственного государства, — не упоминаются здесь как израильтяне, хотя именно так их будут называть всего через десяток лет.

Я также старался удержаться от соблазна оценивать прошлое с точки зрения настоящего. В основных главах нет слова «Израиль» (в политическом смысле), и причина проста: никто — ни евреи, ни арабы, ни британцы — не считали, что

живут в период «до государства». Или до чего-либо еще: евреи Европы понимали, что на их долю выпали беспокойные и тревожные времена; однако они не знали, что их жизнь — это последняя стадия перед холокостом. Многие палестинские арабы ощущали, что их борьба дошла до решающего этапа, но не думали, что живут в эпоху, о которой впоследствии будут печально вспоминать, находясь в изгнании¹⁰.

В первую очередь я пытался поместить читателя в пространство и время, описанное в книге.

И все же это не моментальный снимок или капсула времени — восстание по-прежнему отбрасывает тень на восемь десятилетий арабо-израильского противостояния. Вооруженное крыло ХАМАС носит имя священнослужителя-боевика, насильственная смерть которого послужила толчком к восстанию; сегодняшняя кампания по бойкоту Израиля — прямой потомок забастовки 1936 г. Когда израильские войска задерживают подозреваемых без предъявления обвинений, устанавливают контрольно-пропускные пункты и разрушают дома, они опираются на тактику и законы, унаследованные от британских предшественников. И когда Вашингтон настаивает на варианте с двумя государствами, это отсылка к предложению комиссии Пиля 1937 г. — прародителю всех последующих планов раздела, начиная с принятого ООН в 1947 г. и заканчивая «Параметрами» Клинтона, «Сделкой века» Трампа и официальной политикой администрации Байдена.

Как написал один романист, «прошлое не бывает мертво. А это даже не прошлое»^{*,11}. Для израильтян и палестинцев это восстание продолжается.

* Фолкнер У. Реквием по монахине // Фолкнер У. Собрание сочинений в 9 т. — М.: Терра — Книжный клуб, 2001. Т. 7. С. 349. — *Прим. ред.*

ГЛАВА I

ПАВОДКИ В ПУСТЫНЕ

На протяжении нескольких веков Иерусалим находился во власти небольшой группы великих семей, османы называли их «эфенди», арабы — *айан*, а англичане — «нотабли». Каждая обладала определенными привилегиями: из рода Халиди происходили гражданские и шариатские судьи, Даджани присматривали за гробницей Давида на горе Сион, Нусейбе хранили ключи от храма Гроба Господня. Нашашибби изготавливали луки и стрелы для воинов султана, а Хусейни становились *накиб аль-аишафами*, то есть занимались делами *аишафов* — потомков пророка Мухаммеда. На протяжении первых веков османского владычества из рода Алами происходили высшие религиозные авторитеты Иерусалима — муфтии, которые издавали правовые постановления, именуемые *фетвами*¹.

Как и Хусейни, Алами были *аишафами* и возводили свою родословную к Хасану, внуку пророка Мухаммеда. Во время первых волн исламского завоевания один из их предков пришел из Аравии в Марокко и взял имя в честь горы Алам на севере региона. Когда в XII в. Саладин собирал людей для борьбы с крестоносцами, на его призыв откликнулся один из Алами — местный вождь и суфийский шейх. Очевидно,

он храбро сражался на Святой земле, поскольку получил обширные владения, включая большую часть Елеонской горы, на которой, согласно Новому Завету, Иисус вознесся на небо и где, по утверждениям древнееврейских пророков, Бог начнет воскрешать мертвых.

В 1860-х гг. османы решили, что Иерусалиму положено иметь мэра. С тех пор все занимавшие этот пост принадлежали к одной из шести названных семей, причем минимум четверо — к семье Алами². В 1906 г. султан назначил на этот пост Файдаллу аль-Алами, когда-то прежде мэром был его отец Муса. К тому времени семья покинула тесный мусульманский квартал Иерусалима и переехала в Мусрару — район, примыкающий к Старому городу и ставший одним из первых арабских поселений за пределами средневековых стен. Лето они проводили в новом доме в Шарафате, деревне на дороге в Вифлеем, а зиму — в Иерихоне, в сухой долине Иордана.

Правление Файдаллы прошло спокойно — самым тяжелым для Иерусалима станет следующее десятилетие: Первая мировая война, декларация Бальфура, гибель империи, правившей четыре столетия, и появление другой. Хотя образование Файдаллы, для друзей Файди, базировалось на священных текстах (в 1904 г. он даже опубликовал конкорданс Корана, который используется до сих пор), он был космополитом и, в отличие от почти всех членов своей общины, много путешествовал по Европе и часами потчевал гостей историями о континенте. Файдалла часто рассказывал, как в Австрии познакомился с последним европейским новшеством — лифтом.

Сын мэра Муса родился весной 1897 г. — за четыре месяца до первого сионистского конгресса в Базеле, созванного Теодором Герцлем. До восьми лет мальчик находился на домашнем обучении и жил довольно закрыто: осваивал аристократические занятия вроде охоты, но почти не общался со сверстниками. Как только отец осознал эту ошибку,

потомок Мухаммеда и слуга османского халифа отправил сына в школу англиканских миссионеров в Иерусалиме. Директор школы мистер Рейнольдс поначалу с радостью принял ребенка мэра, но вскоре пришел к выводу, что тот не поддается обучению, и посоветовал эфенди определить его в ученики к столяру.

Муса начал учиться столярному делу в Американской колонии — религиозно-филантропическом сообществе, которое возглавлял богатый пресвитерианский юрист из Чикаго. Через шесть месяцев, когда стало ясно, что мальчик, по словам главы, «не совсем необучаемый», его забрали из столярной мастерской и отправили в класс, где учились собственные дети юриста. Как позже Муса Алами рассказывал своему биографу, ему только спустя много лет удалось выяснить, что мистер Рейнольдс, желая угодить мэру, перевел его в более старший класс, где он не понимал ни слова³.

Затем мальчик перешел в престижное и строгое заведение *Collège des Frères**. Он ненавидел его, но при этом хорошо учился, особенно преуспевая в истории, литературе и философии. Усвоив английский язык от англикан и пресвитериан, Алами теперь учил французский у католиков.

Муса Алами хорошо знал и евреев. Накануне Первой мировой войны они составляли, вероятно, 7% из 800-тысячного населения Палестины, причем в основном это были религиозные иудеи из Иерусалима. Многие из них происходили из сефардских** семей, проживавших там веками: они говорили на том же языке, что и арабы, носили ту же одежду, любили

* Школа Братьев (фр.). Братья христианских школ (фр. *Frères des écoles chrétiennes*) — монашеская конгрегация, с XVII в. занимающаяся обучением молодежи в христианском духе. — *Прим. пер.*

** Сефарды — субэтническая группа евреев, которая сформировалась на Пиренейском полуострове. Позднее были оттуда изгнаны. — *Прим. пер.*

ту же музыку и ели похожую пищу. Среди ближайших друзей его родителей была еврейская пара из Алеппо, которая почти каждый вечер заглядывала в гости.

Согласно местному обычаю, если две матери рожают сыновей в одном квартале в одно время, повитуха знакомит их и каждая из них кормит мальчика другой. После этого дети до конца жизни считаются молочными братьями, а их семьи должны поддерживать дружбу, невзирая на религиозные или классовые различия. Молочным братом Мусы оказался сын еврейского бакалейщика, жившего на той же улочке. В течение трех десятилетий семьи навещали друг друга, обменивались подарками по праздникам, поздравляли или соболезновали, когда того требовала жизнь⁴.

В начале XX в. сионизм интересовал лишь небольшое, идеалистически настроенное меньшинство евреев. Как-то, будучи мэром, Файди аль-Алами встретился с приезжим сионистским лидером из Берлина. «Неправда, что мы против переезда евреев сюда, — сказал Алами. — Наоборот, они нужны нам, это стимулирующая прогрессивная сила, вызывающая брожение. Вопрос только в численности. Они как соль в хлебе — без щепотки не обойтись, но, когда ее много, это хуже, чем совсем ничего». — «Вы ошибаетесь, — ответил гость. — Мы не хотим быть солью. Мы хотим быть хлебом!»⁵

Мальчик по имени Верный

По соседству с Муссарой — вдоль северной стены Старого города рядом с Дамасскими воротами — находится район Шейх-Джаррах. Здесь, примерно в то же время, что и Муса Алами, в одной из великих иерусалимских семей, Хусейни, родился еще один ребенок.

Тогда как Алами ведут свою родословную от Хасана, Хусейни претендуют на происхождение от его младшего брата Хусейна. Как и Алами, они утверждают, что прибыли в Иерусалим в XII в., но не из Марокко, а из Аравии и их предок тоже воевал с Саладином против крестоносцев. Как и в случае с Алами, из рода Хусейни происходили мэры и муфтии. И хотя в Средние века среди муфтиев преобладали Алами, с конца XVIII в. этот пост почти всегда доставался Хусейни.

В 1869 г. муфтием был назначен Тахир Хусейни. К этому моменту в городе уже проживало много евреев, к 1880-м гг., после масштабной религиозной миграции из Европы, они стали большинством. В 1897 г. османы назначили Тахира главой комитета, которому поручили снизить масштабы еврейских территориальных приобретений в Иерусалиме⁶. Комиссия добилась определенных успехов, но по сути была фикцией: Тахир Хусейни, как и многие арабские нотабли, сам участвовал в продаже евреям земель в Святом городе и его окрестностях⁷.

В том же году у него родился сын от второй жены, тихой и благочестивой Зейнаб. Мальчика назвали Амин, что означает «заслуживающий доверия» или «верный».

В 1908 г. Тахир умер, и на посту муфтия его сменил сын Камиль. На фоне старшего сводного брата Амин буквально бледнел: светлая кожа, рыжеватые волосы, голубые глаза. Младший Хусейни был невысоким хрупким ребенком и стеснялся своей шепелявости. От мальчика много не ожидали: как и подобает сыну эфенди, он посещал куттаб — мусульманскую начальную школу — и изучал религию дома. Как и Алами, он учил французский язык в *Collège des Frères*, а также в иерусалимском отделении общества *Alliance Israélite Universelle*^{*},

* *Alliance Israélite Universelle* (фр.) — Всемирный еврейский союз, международное культурное общество, созданное во Франции для защиты евреев. — *Прим. пер.*

которым руководил еврейский преподаватель из Дамаска (но, что важно, не сионист).

Когда Амину исполнилось семнадцать лет, Камиль отправил его в каирский университет Аль-Азхар — центр суннитского образования, основанный еще тысячу лет назад. Через год они с матерью совершили паломничество в Мекку. Всю свою жизнь он будет цепляться за почетное звание хаджи — нескольких лет, проведенных в Аль-Азхаре, было недостаточно для звания шейха, на которое мог претендовать настоящий знаток веры⁸.

Наставником Амина в Каире стал Рашид Рида. Этот исламский теолог был одновременно модернистом и фундаменталистом. Он признавал технологическое, экономическое и геополитическое отставание мусульман от Запада и призывал перенимать знания у христиан, однако само отставание он объяснял тем, что мусульмане отошли от примера Пророка и его последователей. Возвращение к прошлому, к настоящим принципам ислама — вот путь к овладению будущим.

Рида стал одним из предшественников арабского национализма: он отошел от османов, когда те после Младотурецкой революции 1908 г. отказались от панисламизма в пользу светского турецкоцентричного курса. В отличие от мусульманских мыслителей того времени он предпочитал Британскую империю Османской и передал эти взгляды своему ученику.

Британцы также старались отделять своего османского врага и зависимых от него арабов. В начале Первой мировой войны верховный комиссар Египта Артур Генри Макмагон вступил в переписку с Хусейном — шерифом* из династии Хашимитов, правившей Меккой, — обещая, что Лондон поддержит арабов, если те восстанут против султана.

* Шериф (шариф) — арабский титул для потомка пророка Мухаммеда и для людей знатного происхождения в целом. — *Прим. пер.*

За девять месяцев они обменялись десятью письмами. Самое важное, датированное 24 октября 1915 г., обещало, что корона признает претензии Хусейна на независимость арабов, но не в «частях Сирии, лежащих к западу от районов Дамаска, Хомса, Хамы и Алеппо», где проживали не только арабы и где историческими и стратегическими правами обладали британские союзники — французы. Приходилось также учитывать «устоявшиеся позиции и интересы» Лондона в Ираке. Однако широкая полоса между Аравией и Сирией после четырех веков османского владычества могла теперь рассчитывать на самоуправление — с одобрения Великобритании.

Спустя годы разгорелись споры о том, что именно обещалось в этом письме. Палестина находится к юго-западу от Дамаска: считается ли она теми «частями Сирии», лежащими к западу от этого города, на которые не должны распространяться арабские претензии?⁹ Однако в тот момент Хусейн счел британские заверения достаточными: он выступил против османов, поставив во главе восстания своего второго сына, эмира Фейсала. За несколько недель арабы добились ошеломительного успеха, вытеснив турок из священного города Мекки.

Амину было девятнадцать лет. Его призвали в османскую армию в качестве офицера, но реального участия в боях он почти не принимал. Услышав о восстании, Амин стал мечтать об арабской Великой Сирии под короной Фейсала. Он незамедлительно покинул армию в Турции и вернулся в Иерусалим, где помог британцам рекрутировать около 2000 арабов.

Муса Алами — тогда помощник военного цензора в Иерусалиме — узнал о восстании по телеграфу. Призванный в армию против своей воли, он пришел в восторг от идеи, что арабы получают независимость от склеротического и деспотического османского престола. Он тоже покинул свой пост

и отправился в Дамаск, где остановился у бывшего частного преподавателя Халиля аль-Сакакини, христианского литератора и арабского националиста из Иерусалима. Алами слышал о молодых арабских националистах, собирающихся в кафе Дамаска и Константинополя, но никогда прежде не встречался с ними. Дом Сакакини превратился в центр для этих подрывных идей¹⁰.

Тем временем весной 1916 г. дипломаты Марк Сайкс и Франсуа Жорж-Пико подписали секретное соглашение о разделе левантийских провинций Османской империи после изгнания оттуда турок. Британцы получали территорию между рекой Иордан и Месопотамией, французы — Сирию и Ливан. Предполагалось, что Палестина позднее перейдет под международное управление, возможно под совместный контроль обеих держав.

Но Сайкс начал задаваться вопросом, а стоит ли делить такую ценную Палестину, ведь она представляла собой естественный бастион, охранявший Суэцкий канал — крайне важный путь, по которому Британская империя добиралась до Индии и Востока. На протяжении всего 1917 г. он встречался с сионистскими лидерами, которые выражали свое уважение Британии — стране, возвращенной на справедливости, свободе и Ветхом Завете. Сайкс, как и министр иностранных дел лорд Артур Бальфур и премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж, пришел к выводу, что британцы и сионисты имеют общие интересы¹¹.

В ноябре 1917 г., когда британцы и войска Содружества продвигались по Синаю и южной части Палестины, стремясь к Иерусалиму, Бальфур написал письмо барону Лайонелу Уолтеру Ротшильду, начинавшееся следующими словами: «Правительство Его Величества благосклонно относится к созданию в Палестине национального очага для еврейского народа».

РОЖДЕНИЕ МАНДАТА

Сочетание сложных разнородных причин привело к появлению документа, известного в истории как декларация Бальфура¹². К ним относились и польза Палестины для империи, и предполагаемая ценность еврейской поддержки (особенно в Америке и России) в условиях военного времени, а также этические и религиозные чувства ключевых представителей британского чиновничьего аппарата¹³.

Однако вряд ли все стало бы возможным без Хаима Вейцмана. Разработанный этим британским химиком, рожденным в Российской империи, процесс получения ацетона оказался крайне важен для производства взрывчатки у союзников. Именно во второй роли, как лидер мирового сионистского движения, обаянием, лестью и неутомимостью Вейцман занял свое место в британских политических кругах.

«По отдельности евреи умны и трудолюбивы, но вместе они безмерно глупы», — писал британский колониальный администратор. Он сетовал на нетерпеливость, бестактность большинства еврейских руководителей, чем те, по его мнению, сами себе вредили. Однако Вейцман, единственный из них, «великий химик и великий человек», «обладал мудростью Цинцинната* и умел ждать».

Другой чиновник вспоминал, что Вейцман как оратор был «почти пугающе убедителен» — «той страстной убедительностью, которую славяне обычно проявляют в любви, а евреи — в деловых вопросах; в его случае она была взлелеяна, отточена и направлена на достижение Сиона»¹⁴.

Через пять недель после декларации Бальфура британцы захватили Иерусалим. Установив военную администрацию,

* Римский полководец Луций Квинций Цинциннат обычно считается образцом простоты и скромности, а не мудрости. — *Прим. пер.*

они столкнулись с проблемой. Их христианская империя оккупировала территории с преимущественно мусульманским населением, связи которого с халифом и султаном она только что разорвала и чьи земли пообещала отдать под национальный очаг для еврейского народа. Британцы поспешили поддержать местные власти. Позаимствовав титул из Египта, они повысили муфтия Камиля аль-Хусейни до верховного муфтия. Он отплатил за такую честь, заверив общественность, что Британия — благородная империя и будет правильно поступать со своими новыми подданными.

Однако убедить в этом население оказалось непросто: слухи о декларации Бальфура быстро распространились в зарождающейся арабской прессе Палестины. В годовщину декларации Муса Казим Хусейни — недавно назначенный мэр Иерусалима и дядя муфтия — направил военной администрации письмо от имени ста представителей арабской знати.

«Мы, арабы — мусульмане и христиане, — всегда глубоко сочувствовали евреям, гонимым в других странах, их лишениям — писал мэр, — но есть большая разница между таким сочувствием и согласием, чтобы эта нация... правила нами»¹⁵.

Через девять дней война закончилась. Муса Алами сел на корабль до Константинополя, его отец представлял там в парламенте Иерусалим — больше не существовавший избирательный округ. Когда семья возвращалась в Палестину, младший Алами — «замечтавшись по обыкновению», как вспоминал он позже, — упал в желоб для угля и повредил ребра. Его лечил единственный врач на борту — говоривший по-арабски еврейский ветеринар из Иерусалима.

В этом же плавании Муса впервые столкнулся с новым типом евреев — европейскими сионистами. Они размахивали знаменем еврейского национального движения с полосами и звездой и распевали их гимн «Атиква». Алами показалось,

что он уловил в них презрение не только к арабам, но и к евреям Востока — таким, как ветеринар, который лечил его ребра¹⁶.

В январе 1919 г. Вейцман пересек Иордан и встретился с героем арабского восстания Фейсалом в его лагере в пустыне, где при посредничестве Томаса Эдварда Лоуренса (известного как Лоуренс Аравийский) подписали соглашение: эмир фактически одобрил призыв декларации Бальфура к серьезной еврейской иммиграции в Палестину, которая не должна войти в будущее арабское государство Фейсала.

В совместном заявлении лидеры отметили, что они «помнят о родстве и древних узах, связывающих арабов и евреев, и понимают, что самым надежным средством достижения их естественных устремлений выступает максимально тесное сотрудничество в развитии арабского государства и Палестины». Однако Фейсал обусловил соглашение с реализацией более масштабных арабских притязаний на независимость, которую должны были обсудить на предстоящей Парижской мирной конференции, иначе он не сочтет себя связанным «ни единым словом» этого соглашения¹⁷.

Присоединилась и Америка. Президент Вудро Вильсон, одоббивший декларацию Бальфура еще до ее публикации, снова выразил поддержку: «Я убежден, что союзные страны, при полном одобрении нашего собственного правительства и народа, согласны с тем, что в Палестине следует заложить основы еврейского государства»¹⁸.

В следующем году в городе Сан-Ремо на Итальянской Ривьере союзники официально оформили разделение Леванта. Территория под названием «Палестина» была образована из бывшего османского округа Иерусалим и частей провинций Бейрут и Дамаск, при этом мандат недавно учрежденной Лиги Наций на Палестину предоставили Великобритании.

Тем временем евреи уже активно создавали на Святой земле прообраз правительства: существовало Палестинское

Муса Алами, 1918 г.
(фотография в свободном доступе)

еврейское бюро, позже переименованное в Еврейское агентство, которое занималось всеми вопросами — от иммиграции, поселения и сельского хозяйства до образования и финансов. Оно, в свою очередь, подчинялось Сионистской организации (позже переименованной во Всемирную сионистскую организацию), которую основал Теодор Герцль, а в тот момент возглавлял Вейцман, находившийся в Лондоне¹⁹.

Вейцман придерживался либеральных, даже капиталистических взглядов, однако в ишуве преобладали лейбористы-сионисты, которые отдавали предпочтение иммигрантам с такими же социалистическими убеждениями. Лейбористы руководили мощной профсоюзной организацией Гистадрут, куда входили три четверти работающих евреев Палестины: она защищала права еврейских — и только еврейских — работников. Они главенствовали в Еврейском национальном фонде, который приобретал землю, осушал болота и высаживал леса.

У арабов ничего подобного практически не было. Первые арабские общественные организации в Палестине, названные мусульманско-христианскими ассоциациями, появились только после Первой мировой войны. Поначалу их внимание было обращено не на Иерусалим, а на Дамаск. Арабы Палестины в целом разделяли мечты своих соседей о Великой Сирии, а в перспективе — о более масштабном союзе с Ираком и Хиджазом. После перемирия Мухаммад Амин прочил Фейсала в короли такого государства и писал соответствующие статьи для недолго просуществовавшей иерусалимской газеты «Сурия аль-Джанубия» («Южная Сирия»). В начале 1919 г. нотабли Иерусалима созвали первый ежегодный Палестинский арабский конгресс, на котором осудили империализм и сионизм и потребовали включить Палестину в состав арабской Сирии. Несколько месяцев спустя в Дамаске арабские лидеры подтвердили, что «южная часть Сирии, известная как Палестина», должна стать частью независимой Великой Сирии²⁰.

Все это время Муса Алами учился в Кембридже — оказавшись там, вероятно, первым арабом из Палестины. Более зрелый по сравнению с другими студентами, он держался отстраненно, в основном дружил с преподавателями. Изучая право, увлекался философией, а также читал историю сионизма Нахума Соколова, будущего главы Сионистского конгресса (с предисловием Артура Бальфура).

Однажды Алами пригласили в гости еврейские студенты, родственники друзей его семьи из Иерусалима. Другие присутствовавшие решили, что кембриджский студент-юрист из Палестины, должно быть, еврей, они приветствовали его «Шалом» и спросили, когда их братья «покончат с грязными арабами»²¹.

Истикляль!

Апрель в Палестине. «Поля и склоны холмов покрыты белыми, пурпурными и розовыми цикламенами и алыми анемонами, — писал один из арабистов министерства колоний. — На фермах проклюнулись зеленые проростки пшеницы и ячменя, а в каменистых руслах ручьев цветет розовый олеандр. Только те, кому довелось видеть это, могут понять великолепие весны в Палестине»²².

Весна означала также праздник пророка Мусы (библейского Моисея) — ежегодное шествие из Иерусалима мусульман к святилищу на берегу Мертвого моря, где, как считается, находится гробница законоучителя. В 1920 г. со всей страны и соседних территорий сюда стекались люди с флагами и оружием. Толпа намного превосходила собрания военных лет: набралось около шестидесяти тысяч человек. Звучали крики *Истикляль!* («Независимость!»)²³.